

Е. Е. Дмитриева^{ab}

ORCID: 0000-0001-9692-8329

✉ katiadmitrieva@mail.ru^a *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Россия, Москва)*^b *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

БРЕТОНСКИЙ ЗАМОК ЛАМЕННЕ, ДВА РОМАНА И ДВА НЕ ПОЛАДИВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ РОМАНИСТА (СТЕНДАЛЬ И ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ДЮРА)

Аннотация. Поводом для написания статьи стала переписка французского дипломата и промышленника Дени Бенуа, в молодые годы — друга Фелисите Робера де Ламенне, с герцогиней Клер де Дюра, хозяйкой модного салона, в котором собирался «весь Париж» периода Реставрации. Письма относятся к периоду 1818–1820 гг., когда Дени Бенуа, влюбленный в дочь Дюра Клару, вынужден в преддверии ее свадьбы вместе с отцом покинуть Париж. Великосветская дама Клер де Дюра баловалась литературой. Борьба чувства и аристократического долга завершилась тем, что, выдав дочь замуж за «ровню», она пишет роман «Эдуард», в основу которого кладет семейную историю. Если, как утверждала молва и литературный критик Сент-Бёв, Дени Бенуа стал прототипом Эдуарда в романе Дюра, то Эдуард, в свою очередь, стал прототипом знаменитого Жюльена Сореля (до того Стендаль уже однажды «переписал» в своем романе «Арманс» другой роман Дюра — «Оливье, или Тайна»).

В статье анализируются письма Дени Бенуа, приоткрывающие завесу над той реальностью, которая скрывалась за романом «Эдуард». Ключевым моментом оказывается месяц, проведенный Дени Бенуа в 1819 г. в замке Лашене. Можно предположить, что прогулки по парку Лашене, пейзажи которого вскоре станут яркими метафорами «Слов верующего» Ламенне, стали судьбоносными для того, кому суждено было стать прототипом двух французских романов. Именно здесь, у Ламенне, который умел исцелять раненые души (таким исцелением оказалось впоследствии посещение Лашене поэтом Эдуардом Тюркети, позже — Морисом Гереном), в состоянии Дени Бенуа происходит перелом: на смену трагическому видению мира приходит понимание того, что каждый должен писать именно свой роман — тот, который ему написать определило Провидение.

Ключевые слова: Ламенне, Клер де Дюра, роман «Эдуард», усадьба Лашене, усадьба Тремигон, «Красное и черное» Стендаля, культура повседневности, теория христианского социализма

Благодарности. Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

Я благодарю нынешнего хозяина Тремигона (еще одного бретонского имения Ламенне), члена Парижской коллегии адвокатов Эрика Плювье за предоставленные мне письма отца и сына Бенуа к герцогине Дюра, находящиеся ныне в собрании «Collection Eric Plouvier / Domaine de Trémigon».

Для цитирования: Дмитриева Е. Е. Бретонский замок Ламенне, два романа и два не поладивших между собой романиста (Стендаль и герцогиня де Дюра) // Шаги/Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 228–243. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-228-243.

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2020 г.
Принято к печати 24 апреля 2020 г.

Shagi / Steps. Vol. 6. No. 3. 2020
Articles

E. E. Dmitrieva ^{ab}

ORCID: 0000-0001-9692-8329

✉ katiadmitrieva@mail.ru

^a A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

^b Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom),
Russian Academy of Sciences (Russia, St.-Petersburg)

THE BRETON CHATEAU OF LAMENNAIS, TWO NOVELS AND TWO DISCORDANT NOVELISTS (STENDHAL AND THE DUCHESS DE DURAS)

Abstract. The reason for writing this article was the correspondence of the French diplomat and industrialist Denis Benoit, in his younger years — a friend of Felicité Robert de Lamennais, with the Duchess Claire de Duras, hostess of a fashionable salon frequented by “all Paris” of the Restoration period. The letters are from the period 1818–1820, when Denis Benoit, passionately in love with Duras’ daughter Clara, on the eve of her wedding is forced to leave Paris with his father. The high-society lady Claire de Duras dabbled in literature. The struggle between feeling and aristocratic duty ended with the fact that after marrying her daughter to a social “equal”, she writes a novel, *Edouard*, which is based on the family history. If, as both rumor and the literary critic Sainte-Beuve claimed, Denis Benoit

became the prototype of Edouard in Duras' novel, then Edouard in turn became the prototype of the famous Julien Sorel (previously Stendhal had already once "rewritten" in his novel *Armance* another Duras novel — *Olivier, or the Secret*).

This article analyzes the letters of Denis Benoit, which reveal the reality that was hidden behind the novel *Edouard*. The key moment was the month spent by Denis Benoit in 1819 in the chateau of La Chênaie. It can be assumed that walks in the park of La Chênaie, the landscapes of which will soon become vivid metaphors in *Words of a Believer* by Lamennais, were fateful for someone who was destined to become the prototype of two French novels. It was here, in the company of Lamennais, who was famous for healing "wounded souls" (for example, those of the poets Edouard Turkeyt and Maurice Guérain), that Denis Benoit's tragic vision of the world was replaced by a kind of resignation.

Keywords Lamennais, Claire de Duras, *Edouard*, La Chênaie manor, Trémigon manor, Stendhal's *The Red and the Black*, everyday culture, theory of Christian socialism

Acknowledgements. The research was conducted with the support of the RNF grant programme no 18–18–00129 "Russian manor in literature and culture: domestic and foreign view".

I would like to thank Eric Plouvier, the current owner of Trémigon (another Breton estate of Lamennais) and member of the *Avocat au barreau de Paris*, for providing me with letters from father and son Benoit to the Duchess of Duras, which are now in the collection "Eric Plouvier / Domaine de Trémigon".

To cite this article: Dmitrieva, E. E. (2020). The Breton chateau of Lamennais, two novels and two discordant novelists (Stendhal and the Duchess de Duras). *Shagi / Steps*, 6(3), 228–243. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-228-243.

Received April 4, 2020

Accepted April 24, 2020

В Бретани, на самом севере Франции, на расстоянии всего нескольких миль друг от друга находятся два замка, которым было суждено сыграть большую роль в истории французской мысли и литературы. Один из них — хорошо известный Комбур, замок-имение, в котором свое безрадостное детство провел Шатобриан и который он затем описал в своих «Замогильных записках». Другой — почти позабытый сегодня, но который одно время для Франции был почти тем же, что Ясная Поляна или Михайловское для русской культуры. Речь идет о Лашене (le château de La Chênaie), замке-усадьбе, принадлежавшем Фелисите Роберу де Ламенне (1782–1854), французскому философу, создателю теории христианского социализма.

Оба писателя и мыслителя заслуживают отдельного разговора, но в настоящей статье речь не о них. А о том, что по давней российской традиции, освященной именем Пушкина, можно было бы назвать «бывают странные сближения».

В августе 1819 г. в Лашене приезжает погостить молодой друг Ламенне Дени Бенуа, который в это время состоит в активной переписке со знаменитой тогда великосветской дамой герцогиней Клер де Дюра́(с) (Duras, 1777–1828), хозяйкой модного салона, в котором собирався «весь Париж» периода Реставрации. Покинув Лашене, он пишет ей письмо (от 22 сентября 1819 г.), в котором после изысканных формул вежливости и уверения в самой глубокой преданности (впрочем, как представляется, вполне искренней) появляется фраза, не слишком мотивированная контекстом письма, которая могла бы показаться странной или вовсе загадочной, если бы мы не знали, какая драма за ней скрывалась. Бенуа поздравляет герцогиню де Дюра с бракосочетанием ее дочери Клары, только что вышедшей замуж за герцога де Розана, и добавляет: «...нет ничего хуже, чем обнаружить, что другой взял на себя труд докончить роман, начатый тобой, и тем не менее я смирился с моей участью, не испытывая особого сожаления».

Слова эти, хотя и в очень сдержанной форме, все же содержат намек на события, этой свадьбе предшествовавшие: Дени сам был влюблен в Клару (и, кажется, взаимно), но его происхождение не позволяло ему претендовать на роль зятя родовой аристократки.

Кем же он был, этот загадочный Дени Бенуа? Его полное имя — Дени Бенуа д'Ази (Denys Benoist d'Azy, 1796–1880). В период Реставрации он был секретарем французской миссии в Германии, затем стал генеральным финансовым инспектором в Министерстве Жозефа де Вилеля (1821–1828) при Людовике XVIII и затем Карле X. Выйдя в отставку после 1830 г., он стал довольно крупным промышленником — одним из управляющим Алеских рудников (mines d'Alais). Впрочем, все эти назначения и занятия, которые ныне позволяют различным справочникам определять его как «французского политического деятеля и промышленника», пришли позже, а в интересующие нас времена, т. е. в 1819 г., Дени Бенуа — молодой человек, только еще ищущий себе достойного поприща.

Отцом Дени Бенуа был Пьер-Венсан Бенуа (1758–1833), до революции — советник Людовика XVI, ставший в 1828 г. государственным министром и членом Тайного совета и возведенный в графское достоинство. Не менее примечательной была мать Дени Бенуа — известная в свое время портретистка Мари-Гиёмине де Лавиль-Леру (1768–1826), ученица Элизабет Виже Лебрен и Жака-Луи Давида, в юности — героиня, а точнее, адресат «Писем к Эмилиии о мифологии» (1786) Шарля-Альбера Демутье (1760–1801) [Ballot 1914].

Очевидно, что посещавшие салон герцогини Клер де Дюра в конце второго десятилетия XIX в. отец и сын Бенуа были отнюдь не «бедными родственниками», но людьми со связями и благородного происхождения. Дени Бенуа к тому же, судя по описанию современников, был довольно красивым молодым человеком, и его влюбленность в младшую дочь герцогини де Дюра была до поры до времени взаимной. И вся эта история была бы из числа тех житейских и бытовых историй, коим имя легион, если бы из нее не вырос роман, который если и не числится среди великих, то по крайней мере сыграл немалую роль в истории французской литературы.

Но прежде чем продолжать, скажем несколько слов о герцогине, писательнице достаточно известной во Франции и Англии и по непонятным причинам

гораздо менее известной в России¹. Отец Клер де Дюра, контр-адмирал граф Арман де Керсен, голосовал против казни Людовика XVI, был гильотинирован вместе с жирондистами. Дочь его была вынуждена тогда бежать на родину своей матери в Мартиныку, потом эмигрировала в Америку, затем в Швейцарию, Лондон, где вышла замуж за Амеде-Бретань-Мало де Дюрфора, герцога де Дюра. В период Реставрации ее муж становится пэром Франции, а сама Клер де Дюра открывает на улице Варенн салон, который становится одним из центров литературной и светской жизни Парижа. Среди завсегдатаев салона Дюра были Шатобриан, Жермена де Сталь, Розали де Констан, кузина Бенжамена Констан, с которой Клер де Дюра связывала самую нежную дружба [Gill 1981].

Сама герцогиня тоже баловалась литературой, но долгое время не желала делать из этого призвания. В 1820 г. болезнь заставляет ее покинуть Париж и уединиться в деревне. И там за небольшой период времени она создает три небольших романа: «Оливье, или Тайна» («Olivier ou le Secret», 1821), «Урика» («Ourika», 1822) и «Эдуард» («Edouard», 1825).

Шатобриан настоял на том, чтобы Дюра все же опубликовала один из своих романов, а именно «Урику», посвященную судьбе привезенной в Париж чернокожей девушки. Дюра публикует этот роман в 1823 г. анонимно, а его проблематика — история любви между представителями разных рас — делает ее не только одной из первых феминисток во французской литературе, но и автором, поднявшим вопрос межрасовых отношений [Bertrand-Jennings 1994–1995]. Не мене эпатажным и в еще большей степени автобиографическим был первый из трех написанных тогда Дюра романов: эпистолярный роман «Оливье, или Тайна», посвященный проблеме мужской гомосексуальности, которая в романе скрывалась за маской бессилия (в то время в последнем признаться было менее позорным, чем в первом) [Bertrand-Jennings 1999]. В основу романа (как и в «Эдуарде») была положена история ее дочери Клары, несколько более ранняя, но имевшая для французской литературы немалые последствия. В 1818 г. Астольф де Кюстин, внук генерала Адама де Кюстина, командовавшего Рейнской армией в 1792 г. (был вместе с сыном гильотинирован во время революции), посещают салон герцогини де Дюра. Мать Астольфа, Дельфина де Кюстин, известная своим умом и красотой (именно ей госпожа де Сталь посвятила свой первый роман «Дельфина», 1802), захотела устроить женитьбу сына на одной из представительниц французской аристократии. Рассматривались Альбертина де Сталь (дочь Жермены де Сталь) и Клара, младшая дочь герцогини де Дюра, на которую в конечном счете и пал выбор. Но за три дня до подписания брачного контракта Кюстин послал письмо матери, в котором неожиданно объявлял о решении порвать помолвку. Объяснение с его стороны пришло почти 10 лет спустя, когда в 1829 г. он издал роман «Алоис, или Монах с горы Сен-Бернар» («Aloys ou le Religieux du mont Saint-Bernard»), герой которого также порывал помолвку, и причина разрыва, хотя прямо не названная, была уже более очевидна. Однако еще задолго до появления романа по Парижу уже поползли слухи о гомосексуальности Кюстина, которые, возможно, исходили также от оскорбленной герцогини де Дюра. Что, впрочем, не помешало ему два года спустя все же жениться.

¹ На русский язык переведено, насколько нам известно, лишь одно ее произведение [Дюра 1844].

Клер де Дюра отомстила, если это вообще можно считать мстью: коллизии с дочерью она положила в основу своего написанного в 1822 г. романа «Оливье, или Тайна» и тем самым, как и в случае с «Урикой», по сути, открыла в литературе тему, которая лишь позже, начиная со Стендаля и Бальзака, окончательно вошла в число дозволенных.

И «Урика», и «Оливье...» были историями о том, как отношения между двумя любящими друг друга людьми не получают продолжения: в одном случае по причине внешнего характера (социальное происхождение), в другом — по причине внутренней (тайна, которой становится то ли содомский грех, то ли бессилие). В интересующем нас романе «Эдуард» проигрывалась первая модель — история любви, оказывающейся невозможной по причине социального неравенства. Заглавный герой романа Эдуард, сын богатого буржуа (а таким был и Дени Бенуа), влюбленный в герцогиню де Невер, вынужден покинуть возлюбленную, понимая, что женитьба на ней социально ее скомпрометирует.

В настоящее время этот роман трактуется по-разному. Для одних критиков он звучит как атака на классовые предрассудки и стремление показать легитимность любви, не зависящей от социальных условностей. Причем трактовка эта опирается и на высказывания самой Дюра, в частных письмах нередко рассуждавшей о предрассудках и ложном чувстве социальной ущербности, не позволяющем верить в то, что благородство есть свойство сердца, а не титула [Bertrand-Jennings 1995]. Другие критики, напротив, усматривают противоречивость позиции герцогини де Дюра, которая, с одной стороны, отдает себя во власть новых идей, критикуя «негибкость классового чувства», а с другой, защищает права своего сословия и исполнена значимости собственной социальной миссии. «Благонамеренный», «субверсивный», «великосветский», «с элементами идеологического консерватизма» — таковы лишь некоторые определения и эпитеты, звучавшие при обсуждении романа [Murat 2014].

В отличие от романа «Урика», который был напечатан «за государственной печатью» в королевской типографии в 1824 г., «Эдуард» был отпечатан самой герцогиней де Дюра в количестве 100 экземпляров «для близкого круга друзей». О том, что «Эдуард» был транспозицией любовной истории, случившейся с ее дочерью незадолго до ее замужества, иными словами, истории отвергнутой любви Дени Бенуа, заговорили в свете почти сразу же. Печатно об этом высказался первым Сент-Бёв:

На самом деле Г-жа де Дюра почерпнула первоначальную идею *Эдуарда* и саму ситуацию неравного положения в той явной склонности, которую питал к ее дочери Кларе (впоследствии герцогине де Розан) Бенуа, сын государственного советника, любезный молодой человек, исполненный самых серьезных намерений, имевший самую приятную внешность, но со всем этим, хотя он и был принят в семье на правах совершеннейшей дружбы, на роль мужа в этом мире он претендовать не мог [Sainte-Beuve 1870: 71] (см. также: [Decreus 1949]).

Второе издание романа появилось лишь почти 60 лет спустя [Duras 1879]. Автор предисловия к нему, Октав Юзан, начинал его цитатой из Сент-Бёва:

Если есть какие-то книги, которые люди, имеющие досуг и стремящиеся себя образовывать, любят каждый год перечитывать хотя бы один раз и которые они в своей памяти хотят прочувствовать так, как мы вдыхаем запах цветущих сирени или боярышника, то *Эдуард* несомненно является одной из таких книг [Uzanne 1879: i] (ср. [Sainte-Beuve 1870: 62]).

Противопоставляя уже к тому времени забытое сочинение «уродливой литературной фотографии» (имелся в виду популярный тогда натурализм), О. Юзан предлагает вспомнить роман «Эдуард». Произведение, заслуживающее внимания во многих отношениях, несущее отпечаток того периода, когда литература была «правильной и честной, а ее, может быть, даже чрезмерный идеализм и сентиментальное безумие открывали новую эпоху» [Uzanne 1879: v].

При этом примечательно, что критик конца века противопоставлял роман Дюра не только современному натурализму, но также и той «слишком германской эстетике», которая наложила свой отпечаток на романистов начала XIX в. — Крюднер, Радклиф, де Сталь, Суза, герои романов которых «более влачат свое существование, нежели живут», в которых любовь есть «томная болезнь» и в которых полностью отсутствует «кипение мужских страстей», а герою потребно десять глав описаний, прежде чем он решится на поцелуй. Это — болезнь Дельфины, Рене, героев одноименных романов, которые сама госпожа де Дюра «обожала». Но роман «Эдуард» критик вписывает в иную традицию: Вертера, Чайльд-Гарольда, Обермана, видя в нем уже продукт иной эпохи — периода Реставрации, когда на смену описанию болезненных и томительных, лишенных чувственности страстей приходит анализ охваченного любовью человеческого сердца. Эпиграф из Т. Тассо «*Brama assai, poco spera, e nulla chiede*» («Он желает многого, слабо надеется и ничего не просит»), — вот девиз, который «можно было бы поместить на любовное знамя Эдуарда <...> вот великая и боязливая страсть, переданная несколькими словами. Это крик Олиндо, любовника Софронии², но это также страшный вопль души страдающей и бессильной перед этой губительной иерархией высших классов, когда происхождение становится непреодолимой пропастью между представителями социальных сословий» [Ibid.: vii].

Подчеркивая «рафинированный идеализм страдающего сердца», каковым наделяет Дюра своего героя, О. Юзан, как когда-то и Сент-Бёв, возвращает читателя к житейской подкладке романа — тому опыту социального неравенства, который Дюра пережила в своей семье [Ibid.: ix]. И в финале задается вопросом:

Описывала ли госпожа Дюра с природы [букв. «с лету»] отчаяние несчастливца, достойного сожаления, или же воображение позволило ей уже позже проникнуть в душу безнадежно влюбленного, однако очевидно, что инкубационный период этого произведения был длинным. Чтобы такое изобразить, нужно рожать в слезах и со всей искренностью ублаживать ту жестокую боль, которую произвела она на свет [Ibid.].

² Влюбленные, история которых рассказана в «Освобожденном Иерусалиме» Торквато Тассо.

Нам доподлинно неизвестно, что конкретно произошло между Кларой Дюра и Дени Бенуа. Известен лишь внешний финал этой истории: 31 августа 1819 г. Клара де Дюрфор (1799–1863), младшая дочь пэра Франции Амеде-Бретань-Мало де Дюрфор и герцогини де Дюра, вышла замуж за Анри-Луи де Шастеллю (Chastellux, 1786–1863), третьего секретаря французского посольства в Риме (1814), который в 1817 г. стал секретарем французской миссии в Берлине и которому по случаю его женитьбы на Кларе де Дюрфор Людовик XVIII пожаловал 15 августа 1819 г. наследственным титул маркиза де Дюра(с)-Шастеллюкс (объединив тем самым обе фамилии), а в день свадьбы (31 августа) — персональный титул герцога де Розан-Дюра (согласно патенту короля он должен был стать преемником своего тестя) и так называемые почести Лувра (*honneurs du Louvre*³). В 1822 г. герцог де Розан будет сопровождать герцога де Монморанси в его посольской миссии в Вене.

Несколько лет назад потомки семейства Розан-Дюра выставили на аукционе 11 писем отца и сына Бенуа к герцогине де Дюра, относящиеся к периоду 1818–1820 гг., т. е. ко времени до и сразу после свадьбы ее дочери, оправленных из их имения Ламот-Барасе близ Дюртале (долина Луары), из Шатобриана и — последние — из Франкфурта. Фрагмент одного из этих писем был уже процитирован в самом начале статьи.

Казалось бы, именно они могли бы приоткрыть завесу — ту реальность, которая скрывалась за романом, пять лет спустя появившемся из-под пера герцогини. Письма на первый взгляд сдержанные и уклончивые. В них много выражений благодарности герцогине за различные оказанные ею благодеяния, восхищения ею, кажется даже непритворные. Немало в письмах разговоров о политике: Бенуа-отец рассказывает о применении в Дюртале Ланкастерской системы, осуждает кампанию, развернувшуюся против свободы прессы («А потом журналы!!! Все участвуют в заговоре против этой бедной свободы прессы: с ней поступают, как поступили с монархией; ее обыскивают, чтобы опозорить и потерять. Мы боремся с фуриями, забравшимися на колокольню» — письмо от 17 августа 1819 г.). Он критикует министерские игры и жалуется на то, что ему отказано в государственной пенсии «после 19 лет честной службы» («Это и есть реальность страны, в которой судьбы трона и людей разыгрываются в крупной игре министерализма (*ministérialisme*)» — письмо от 20 августа 1818 г.). То, что он позволяет себе жаловаться, сокрушает его, и это также часть риторики, определяющей его переписку с герцогиней («И вот я уже говорю с вами целый час о себе, и все для того, чтобы пожаловаться! Мне, уверяю вас, очень стыдно. Это и есть результат одиночества, которое заставляет людей нередко сосредоточиваться на том, что им ближе всего», — пишет он в том же письме).

В пандан отцу Бенуа-младший (Дени) защищает шуанов, задержанных в Алансоне. Он делится с герцогиней своими впечатлениями о литературе — о романах г-жи Жанлис, о Вовенарге и Байроне. В сентябре, получив сообщение о своем назначении секретарем посольства в Берлине, он благодарит герцогиню

³ Почести Лувра — почетное отличие, которое двор (король) предоставлял принцам крови, иностранным принцам, пэрам Франции, кардиналам, титулованным герцогам и т. д. Заключалось оно, в частности, в именовании королем бенефициара этой почести своим кузеном и в праве подавать карету прямо во двор королевского дворца.

ню, которая также приложила руку к этому назначению. В письме из Франкфурта от 8 января 1820 г. Дени рассказывает о дне, проведенном с Шатобрианом, собирающемся сопровождать короля Пруссии на конгресс в Лайбах.

Что касается той любовной драмы, которую его корреспондентка совсем скоро положит в основу своего романа, то до поры до времени лишь отдельные проговорки отца и сына в письмах позволяют о ней догадываться. Порой сама фигура умолчания становится сюжетом, как в первом из писем Бенуа-отца от 15 июля 1818 г.:

Но тщетно я бы пытался рассказать вам то, о чем так больно с вами *не* говорить: я осмелюсь верить, что о большей части того вы догадываетесь: есть чувства, о которых мы с гордостью можем сказать, что имели честь разделять их с вами, существует определенная общая мера для людей и для событий, позволяющая нам заранее знать, что мы думаем об одних и тех же вещах⁴.

Первое из писем Дени Бенуа (от 6 ноября 1818 г.) тоже еще не содержит в себе ничего «компрометирующего» и даже, наоборот, позволяет предположить скорее идиллические отношения с семейством де Дюра:

Без вас, мадам, нам было бы очень грустно возвращаться в Париж, чтобы возобновить ту жизнь, которая напоминает постоянный визит и которая не всегда является визитом на улицу де Варенн; к тому же мы не без сожаления оставляем этот добрый край, где все придерживаются единого мнения, где чувствуешь свободу, спокойствие, тишину несмотря на все, что делается, чтобы их нарушить.

И только сообщив герцогине ряд политических новостей и перейдя к теме болезни, ее постигшей, Дени Бенуа произносит фразу, инкорпорированную в замысловатый риторический пассаж сочувствия, которая заставляет думать, что в это момент его занимает не только беда его корреспондентки:

Если бы мы могли позволить себе роптать на провидение, то лишь за то, что оказываемся обречены на постоянную боль. И все же необходимо, чтобы мы хоть частью своего существа приобщились к уделу человеческих страданий (6 ноября 1818 г.)

Иносказательно-выразительно следующее письмо Дени Бенуа от 9 февраля 1819 г.:

Я сказал вам, что буду печален, и вижу, что становлюсь даже еще печальнее, чем предполагал. Вокруг меня все здесь печально: со всех сторон я вижу людей, которых люблю, огорченными или несчастными: мне самому кажется, что я начинаю привыкать к долгому отсутствию, с которым я смирился, и было бы очень глупо для моего бу-

⁴ Здесь и далее цитируются письма отца и сына Бенуа к герцогине Дюра, находящиеся ныне в собрании «Collection Eric Plouvier / Domaine de Trémigon»: Benoist d'Azy D., Benoist Ch.-V. Lettres a Cl. De Duras (1818–1820).

дущего, если бы я нашел что-то, что способно было бы его заменить. Не говорите этого моему отцу, потому что он решит, что я несчастен. Если я получу то, чего мы хотим, ничто не сможет причинить мне большую боль. Я понимаю, что не прав, боясь подобного будущего. Я был избалован жизнью; я был слишком счастливым, и нужно, чтобы я еще вращался несколько лет в мире, прежде чем подумаю об отдыхе. Зачем? не знаю, но какое это имеет значение, поскольку то мой долг. Вам знакомо это прекрасное и трогательное выражение резиньяции святого Иеронима, который в конце долгой жизни, исполненной боли и страданий, все еще говорил *non recuso laborem*⁵. Я не отказываюсь от новых бед. Было бы смешной пародией, если бы я сказал это, но все же мы все должны через нечто подобное пройти...

Примечательным иносказанием становится и разговор Дени с герцогиней о литературе, в частности, о романах г-жи Жанлис, которые он осуждает (и можно догадаться почему):

...и я чувствую к своему стыду, что мое мнение о мадам де Жанлис не изменилось и не стало менее твердым. Недостаточно изображать персонажей как портреты, необходимо рисовать или порок, или добродетель, или чувство, или сильный характер, или же, наконец, мир реальный и реалистичный (*vraisemblable*). Зачем рисовать любовь, если хочешь показать ее мощь в одних лишь преступлениях...

Романам Жанлис он предпочитает роман леди Каролины Лэм «Гленарвон», прототипом главного героя которого был Байрон, и даже сам задумывается о возможности написать с в о й роман:

Согласитесь, что Гленарвон в сто раз выше. Вы простите меня за суровость суждений, поскольку не признаете во мне хорошего судью; вы видите во мне дилетанта. Если бы у меня было воображение, то я бы сочинил роман, чтобы лучше в том убедиться; теперь же, если я что-то и сочиню, то думаю, что это будет почти так же весело, как Юнговы Ночи⁶ (9 февраля 1819 г.).

А между тем 31 августа празднуется свадьба Клары, которая окончательно перечеркивает все надежды Дени Бенуа (которых, впрочем, и до того уже не оставалось). Но неожиданно в первом же письме, которое Дени Бенуа адресовал мадам де Дюра п о с л е события (письмо от 22 сентября 1819 г.) он предстает словно перерожденным:

Как же вы добры, Мадам, что посреди всего и всех замечательных вещей, которые сейчас с вами происходят, вспоминаете о бедном изгнаннике, который часто думает о вас, но едва ли осмеливается напомнить вам о себе. <...> Уверю вас, Мадам, что мы очень часто го-

⁵ Не отказываюсь трудиться (лат.).

⁶ Поэма Эдуарда Юнга «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality», 1742–1745).

ворим о вас, и мне не нужно говорить вам, что мы были очень заняты тем, как решилась судьба вашей дочери. Если среди стольких новых интересов для нее она оставит небольшое место для тех, кого она соблаговолила одарить хотя бы немного благосклонностью, скажите ей, что мы молимся Богу за ее счастье, потому что в нем заключено все же самое лучшее из всех воспоминаний. Вас же мы поздравляем от всего сердца, потому что я хорошо знаю, что для вас значит счастье вашей дочери.

Собственно, именно в этом письме появляется фраза, которую мы процитировали в начале статьи и которая кажется не слишком естественной для недавно еще пылко влюбленного: «...нет ничего хуже, чем обнаружить, что другой взял на себя труд докончить роман, начатый тобой, и тем не менее я смирился с моей участью, не испытывая особого сожаления».

Однако стоит вчитаться в контекст, как мы увидим, что отказ этот мастерски вмонтирован на самом деле в квазилитературную цепочку аллюзий — историю леди Каролины Лэм (само олицетворение отверженности — это ее любовь отверг Байрон), ее роман «Гленарвон», в котором Байрон играет словно не свою роль (а ведь только недавно Дени об этом романе достаточно высоко отзывался), что и звучит косвенным предупреждением: «не в свои сани не садись».

Дени Бенуа пишет:

Вы слишком добры, чтобы интересоваться тем небольшим раздражением, которое вызвал у меня Гленарвон: на самом деле нет ничего хуже, чем обнаружить, что другой взял на себя труд докончить роман, начатый тобой, и тем не менее я смирился с моей участью, не испытывая особого сожаления, мне только любопытно, какое применение было найдено словам бедной леди Лэм; я, так же как и вы, не люблю имитацию, я читал далее об этом лорде Байроне, и в конце концов мне стало его почти жалко, а потом и страшно. Я же начинаю находить, что слишком долгое время провел вдали от города, где сожалею только об одной улице де Варенн. Без этого моя деревенская жизнь была бы очень забавной, и я тем более радуюсь, что не преуспел в том, чего желал с таким безумием. Я совершил прекрасную поездку в Бретань. И я вспоминал вас, находясь в ваших краях.

Очевидно, что к осени 1819 г. в состоянии Дени Бенуа происходит перелом: на смену ощущению тщеты всего сущего приходит мысль о необходимости не только резиньятии (это отчасти было и прежде), но и понимании того, что каждый должен «писать» в своей жизни именно свой роман. После этого в жизни Дени и в самом деле все налаживается: он получает место во французской миссии, два года спустя удачно женится, а в одном из своих последних писем герцогине Дюра уже без обиняков резюмирует то, что произошло:

Как я счастлив, что четыре года назад не получил того, чего желал, как ребенок. Необходимость быть на расстоянии будет для меня поистине печальна; но дух едва ли знает, чего он хочет, а наше общество создано таким образом, что мы едва ли можем наслаждаться тем, что сделало бы нас счастливыми. Надо следовать своей карьере,

надо стать чем-то. Я повторяю это для себя каждый день, хотя и не чувствую в этом необходимости и даже смотрю на это, как на заблуждение. Возможно, я ошибаюсь, это следствие деревенской жизни, которая внушает лень желаний. И вот наконец, мадам, благодаря вашей доброте, я имею почетную должность, и искренне за то вас благодарю (8 января 1820 г.).

Так что же случилось осенью 1819 г. в Бретани, где, по словам отца, Дени Бенуа наконец обрел душевный покой и веру в собственные силы?

У нас есть все основания предполагать, что судьбоносным оказалось в этом смысле для него общение с Ламенне, потому что таинственная поездка в Бретань, о которой в одном из писем мимоходом упомянул отец как на оказавшую благотворное воздействие на сына, была на самом деле поездкой в его имение Лашене, где Дени провел более месяца. О том, как месье Фели (как называли Ламенне его ученики и адепты) умел исцелять раненые души, ходили легенды. В 1819 г. его замок-усадьба Лашене еще не был, пожалуй, тем культовым местом, каким он стал в конце 1820-х годов, когда здесь постоянно проживал круг почитателей, учеников и друзей поборника христианской монархии и народного суверенитета, когда ежедневно и почти ежечасно велись философские дискуссии и особое время отводилось так называемым духовным практикам, когда здесь читал свои стихи Мицкевич, приезжали Лист, Гюго и мн. др. [Roussel 1909]. Но Ламенне уже и в это время славился особой харизмой, а главное, как известно из других источников, умел находить метафизический, да и просто человеческий смысл в тех болезненных разочарованиях, которые поверяли ему новоприбывшие в Лашене. Таким исцелением оказалось посещение замка поэтом Эдуардом Тюркети, имевшее следствием его переход от поэзии элегической в духе раннего Ламартина (Тюркети и считали учеником Ламартина) к поэзии религиозной. Исцелением, точнее обращением в «свою» веру (веру Ламенне), стало пребывание в Лашене в конце 1820-х годов другого блистательного поэта — Мориса де Герена, который в то время метался между несчастной любовью и поисками Бога [Zyromski 1921].

Можно предположить, что прогулки по знаменитому парку Лашене, пейзажи которого вскоре станут яркими метафорами «Слов верующего» Ламенне — культового, хотя ныне почти позабытого манифеста христианского социализма [Collas 1956: 102–119], способствовали тому повороту, который совершился в душе Дени Бенуа и о котором свидетельствуют его письма к герцогине де Дюра. Однако, в отличие от литературного героя, прототипом которого он стал, его собственная судьба сложилась вполне благополучно. Как уже говорилось выше, два года спустя после описываемых событий он вполне счастливо женится на Леонине д'Ази, дочери землевладельца и промышленника, которая родила ему пятерых детей. Он станет сам крупным промышленником, однако в историю литературы войдет на правах «нового Ромео» — жертвы предрассудков, смертью искупающего свою любовь.

И для госпожи Дюра роман «Эдуард» был своего рода искуплением. Вынужденная в жизни уступить требованиям, которые ей предьявляли правила аристократического общества, в литературе она превращает семейную (банальную, в сущности) историю в высокую трагедию. И при этом как внимательная читательница, следящая за метаморфозами, происходившими с Дени

Бенуа и отразившимися, как мы видели, в письмах, наделяет своего героя, а вместе с тем и роман, тем психологизмом, который позже будет восхищать литературных критиков, с конца XIX в. не устающих заново открывать этот роман [Duras 1983].

На правах послесловия

На этом, однако, история не заканчивается, потому что с ней, говоря словами классика (Н. В. Гоголя), случилась еще одна история. Если, как утверждала молва и маститый критик Сент-Бёв, Дени Бенуа стал прототипом Эдуарда из одноименного романа герцогини Дюра, то ее Эдуард, в свою очередь, стал прототипом знаменитого Жюльена Сореля — героя «Красного и черного» Стендаля.

Стендаль вообще был известен тем, что охотно брал за основу чужие романы и, как об этом будет позже писать А. С. Пушкин, «по старой канве» вышивал новые узоры. Герцогиня Дюра, чьи романы он попеременно то хвалил, то порицал в своих статьях (но во всяком случае был к ним внимателен), представляла для него, по-видимому, продуктивный источник. Еще до того, как Стендаль использовал коллизию «Эдуарда» в «Красном и черном» (о чем сразу же заговорили современники), он уже однажды «переписал» другой ее роман, о котором выше шла речь, — «Оливье, или Тайна», — в своем первом, при жизни так и не опубликованном романе «Арманс», сочтя тему мужской «аномалии» весьма перспективной для создания психологического романа [Martineau 1945: 344]⁷. «Три месяца тому назад все хвастались тем, что читали “Эдуарда”, и говорить о нем считалось признаком хорошего тона», — иронически напишет Стендаль [Стендаль 1959 (7): 268]. Но, подсмеиваясь периодически над мадам де Дюра⁸, задумав несколько лет спустя роман «Красное и черное», он вспомнит именно об «Эдуарде», и этот факт тоже не ускользнет от

⁷ Характерно, что Стендаль был не первым, кому пришло в голову позаимствовать сюжет романа Дюра. До него это сделал Анри де Латуш, модный в то время светский писатель, который в целях то ли розыгрыша, то ли пародии анонимно опубликовал свой роман под тем же названием («Оливье»), и читатели тут же приписали его перу Дюра, тем более что ее собственный роман знали только в устном исполнении, да и то немногие [Latouche 1826]. Мистификации невольно содействовал сам Стендаль одной из своих статей 1826 г., в которой приписал авторство Дюра («Оливье» — новый роман герцогини де Дюра. Ничего подобного до сих пор еще не было написано, тем более женщиной, да еще герцогиней. Не подумайте, что “Оливье” — безнравственная книга, напротив! Если меня поймут в Англии, то удивятся тому, что женщина, и притом женщина самого высшего круга, могла написать такую книгу, а главное — напечатать ее» [Стендаль 1959 (7): 266]. Дюра сразу же написала опровержение; другое опровержение вынужден был написать Латуш, заявив правда, поскольку уже к тому времени его заподозрили в авторстве романа, что автор не он, но что он знает настоящего автора, и это не автор «Эдуарда» и «Урики». Скандал разгорелся огромный.

⁸ В «Воспоминаниях эготиста» Стендаль иронически вспоминает о посещении салона Дюра как отпускаящем все грехи. Ср.: «Но в 1822 году я еще не вполне понимал все значение ответа на вопрос об авторе шумевшей книги “Что он за человек?”. Меня спас от презрения ответ: “Он принят у г-жи де Траси”. Общество 1829 года ощущает потребность презирать человека, которому, судя по его книгам, оно приписывает — все равно, правильно или нет, — известный ум. Оно боится, оно не может быть беспристрастным судьей. Что бы это было, если бы дан был ответ: “Он хорошо принят у г-жи де Дюра” (м-ль де Керсен*)?» [Стендаль 1959 (9): 419].

его современников. И от самой Дюра, которая и в первом, и во втором случае тяжело переживала то, что она восприняла как п л а г и а т, и даже широко стала показывать рукописи своих романов, дабы доказать «первородство».

То, какое дальнейшее развитие получила в нем история реального Дени и вымышленного Эдуарда и как в свое заимствование Стендаль (как он умел всегда делать) вдохнул иную жизнь и субстанцию поистине стендалевскую [Gerlach-Nielsen 1965], — сюжет, который требовал бы отдельного рассмотрения. Мы же остановились на этой истории, девизом которой можно было бы взять известные строки: «Когда б вы знали, из какого сора...». Самое примечательное в ней — то, как в этом «соре» неожиданно, как в броуновском движении, сталкиваются монады, которые вообще трудно было бы помыслить вместе: высокомерная аристократка, Стендаль, харизматичный поборник христианского социализма и просто молодой человек, который своей судьбой и совершившимся в нем духовным переворотом их всех объединил. И даже если все это хотя бы косвенным образом стало тем истоком, из которого родился великий роман («Красное и черное»), то это уже немало.

Источники

- Дюра 1844 — Благочестивые размышления герцогини Дюра = *Feue la duchesse de Duras* / Пер. с фр. М.: В тип. А. Семена, 1844.
- Стендаль 1959 — *Стендаль*. Собр. соч.: В 15 т. / Пер. Н. Я. Рыкова. М.: Правда, 1959. (Б-ка «Огонек»).
- Duras 1879 — *Duras Mme de. Edouard* / Précédé d'une préface par O. Uzanne. Paris: Librairie des Bibliophiles, 1879.
- Duras 1983 — *Duras Mme de. Édouard* / Éd. de C. Herrmann. Paris: Mercure de France, 1983.
- Latouche 1826 — *Latouche H. de*. Olivier. Paris: U. Canel, 1826.

Литература

- Ballot 1914 — *Ballot M.-J.* Une élève de David: La Comtesse Benoist, l'Émilie de Demoustier, 1768–1826. Paris: Plon, 1914.
- Bertrand-Jennings 1994–1995 — *Bertrand-Jennings Ch.* Problématique d'un sujet féminin en régime patriarcal: *Ourika* de Mme de Duras // *Nineteenth-Century French Studies*. Vol. 23. No. 1–2. 1994–1995. P. 42–58.
- Bertrand-Jennings 1995 — *Bertrand-Jennings Ch.* Vers un nouveau héros: Édouard de Claire de Duras // *French Review*. Vol. 68. No. 3. 1995. P. 445–456.
- Bertrand-Jennings 1999 — *Bertrand-Jennings Ch.* Masculin/féminin: codes de l'honneur dans *Olivier ou le secret* de Claire de Duras // *Masculin/féminin: le XIXe siècle à l'épreuve du genre* / Sous la dir. de Ch. Bertrand-Jennings. Toronto: Centre d'Études du XIXe siècle Joseph Sablé, 1999. P. 89–104.
- Collas 1956 — *Collas G.* La Chênaie // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. No. 2. 1956. P. 102–119.
- Decreus 1949 — *Decreus J.* Madame la Duchesse de Duras // *Decreus J. Sainte-Beuve et la critique des auteurs féminins*. Paris: Boivin, 1949. P. 91–107.
- Gerlach-Nielsen 1965 — *Gerlach-Nielsen M.* Stendhal, théoricien et romancier de l'amour. København: Kommissionær E. Munksgaard, 1965.

- Gill 1981 — Gill G. Rosalie de Constant and Claire de Duras: An epistolary friendship // *Swiss-French Studies / Études Romandes*. Vol. 2. No. 2. 1981. P. 91–117.
- Martineau 1945 — Martineau P. L'Œuvre de Stendhal: Histoire de ses livres et de sa pensée. Paris: Albin Michel, 1945.
- Murat 2014 — Murat L. La duchesse de Duras ou Le corps du délit // *Nouvelle revue française*. № 608. 2014. P. 117–125.
- Roussel 1909 — Roussel A. Lamennais à la Chênaie: supérieur général de la Congrégation de Saint-Pierre, 1828–1833; le père, l'apôtre, le moraliste. Paris: P. Tequi, 1909.
- Sainte-Beuve 1870 — Sainte-Beuve Ch.-A. Duchesse de Duras // *Portraits de femmes*. Nouv. éd., rev. et corrigée par C.-A. Sainte-Beuve. Paris: Garnier, 1870. P. 62–80.
- Uzanne 1879 — Uzanne O. Notice // *Duras Mme de*. Edouard / Précédé d'une préface par O. Uzanne. Paris: Librairie des Bibliophiles, 1879. P. i–xii.
- Zyromski 1921 — Zyromski E. Maurice de Guérin. Paris: Colin, 1921.

References

- Ballot, M.-J. (1914). *Une élève de David: La Comtesse Benoist, l'Émilie de Demoustier, 1768–1826*. Paris: Plon. (In French).
- Bertrand-Jennings, Ch. (1994–1995). Problématique d'un sujet féminin en régime patriarcal: *Ourika* de Mme de Duras. *Nineteenth-Century French Studies*, 23(1–2), 42–58. (In French).
- Bertrand-Jennings, Ch. (1995). Vers un nouveau héros: Édouard de Claire de Duras. *The French Review*, 68(3), 445–456.
- Bertrand-Jennings, Ch. (1999). Masculin/féminin: codes de l'honneur dans *Olivier ou le secret* de Claire de Duras. In Ch. Bertrand-Jennings (Ed.). *Masculin/féminin: le XIXe siècle à l'épreuve du genre*, 89–104. Toronto: Centre d'Études du XIXe siècle Joseph Sablé. (In French).
- Collas, G. (1956). La Chênaie. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, 2, 102–119. (In French).
- Decreus, J. (1949). Madame la Duchesse de Duras. In J. Decreus. *Sainte-Beuve et la critique des auteurs féminins*, 91–107. Paris: Boivin. (In French).
- Gerlach-Nielsen, M. (1965). *Stendhal, théoricien et romancier de l'amour*. København: Kommissionær E. Munksgaard. (In French).
- Gill, G. (1981). Rosalie de Constant and Claire de Duras: An epistolary friendship. *Swiss-French Studies / Études Romandes*, 2(2), 91–117.
- Martineau, P. (1945). *L'Œuvre de Stendhal: Histoire de ses livres et de sa pensée*. Paris: Albin Michel. (In French).
- Murat, L. (2014). La duchesse de Duras ou Le corps du délit. *Nouvelle revue française*, 608, 117–125. (In French).
- Roussel, A. (1909). *Lamennais à la Chênaie: supérieur général de la Congrégation de Saint-Pierre, 1828–1833; le père, l'apôtre, le moraliste*. Paris: P. Tequi. (In French).
- Sainte-Beuve (1870). Duchesse de Duras. In C.-A. Sainte-Beuve (Ed.). *Portraits de femmes* (new ed., rev. et corr.). Paris: Garnier, P. 62–80. (In French).
- Uzanne, O. (1879). Notice. In Mme de Duras. *Edouard* (O. Uzanne, Ed., Intro.), i–xii. Paris: Librairie des Bibliophiles. (In French).
- Zyromski, E. (1921). *Maurice de Guérin*. Paris: Colin. (In French).

* * *

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

*доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник, профессор,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 117393, Москва,
ул. Поварская, д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Тел.: +7 (812) 328-19-01
✉ katiadmitrieva@mail.ru*

Information about the author

Ekaterina E. Dmitrieva

*Dr. Sci. (Philology)
Leading Research Fellow, Professor,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, 117393,
Povarskaya Str., 25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
Institute of Russian Literature (Pushkinsky
Dom), Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St.-Petersburg, Makarov
Emb., 4
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ katiadmitrieva@mail.ru*